

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Игорь Фисенко

Вопрос ответственности государства за международные преступления вызывает много разногласий. В отличие от ответственности индивида они обусловлены не отсутствием согласия по вопросу о правовом происхождении ответственности (юридическая ответственность государства может быть только международно-правовой), а разным подходом к содержанию ответственности за международные преступления (конкретному перечню мер — исходя из их направленности) и оценке характера (является ли она уголовной, политической, моральной и т. п.). Хотя сама возможность несения государством ответственности за совершение международных преступлений является также общепризнанной¹.

Отказ от исключительно цивилистического понимания международной ответственности государств и невозможность при помощи одного института международной уголовной ответственности индивида предупредить совершение международных преступлений приводят к тому, что идея особого режима международной ответственности государства за совершение международных преступлений и создания международного юрисдикционного органа для ее реализации продолжает оставаться популярной. Она обсуждалась при подготовке проекта Конвенции о геноциде 1948 г., во время работы Комиссии международного права над проектом Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Из чисто прагматических соображений их закрепление в этих документах было отклонено. Комитет по уголовной юстиции 1951 г. при обсуждении статьи 25 проекта Статута Международного уголовного суда ограничил персональную подсудность физическими лицами, отметив, что “ответственность государств за действия, составляющие международные преступления, имеет преимущественно политический характер” и “не дело суда решать подобные вопросы”². Комитет считал более важным закрепить принцип международной уголовной ответственности индивидов, чем начинать дискуссию по вопросу, в отношении которого отсутствуют согласованные позиции.

В 1983 г. Комиссия международного права, возобновив рассмотрение темы проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, попросила Генеральную Ассамблею уточнить, входит ли государство в число субъектов права, которым может быть вменена международная уголовная ответственность, “ввиду политического характера этой проблемы”³. В 1984 г. Комиссия международного права решила ограничить проект на нынешнем этапе уголовной ответственностью индивидов, что не препятствует последующему рассмотрению возможности применения к государствам понятия международной уголовной ответственности⁴. В проект Кодекса включена специальная ста-

тья 4 “Ответственность государств”, которая устанавливает, что “ответственность отдельных лиц за преступления против мира и безопасности человечества, предусмотренная в настоящем Кодексе, никоим образом не влияет на ответственность государств по международному праву”⁵.

Специальным предметом рассмотрения эта проблема стала в связи с проектом статей об ответственности государств, который был принят Комиссией в первом чтении в 1996 г.

Проект содержит статью 19, в которой раскрывается понятие международного преступления, а также три статьи (51—53), касающиеся последствий международных преступлений. Однако Комиссия отказалась от разработки специального механизма реализации ответственности государства за международные преступления, несмотря на то что соответствующие предложения в развернутом виде были сформулированы специальным докладчиком по этой теме.

В отношении последствий международных преступлений Комиссия международного права признала, что они влекут за собой все юридические последствия международно-противоправных деяний, а также дополнительные последствия (ст. 51)⁶. В качестве особых последствий международных преступлений Комиссия признала, что реституция в случае международного преступления не производится лишь в случаях, когда она материально невозможна или влечет за собой нарушение нормы *jus cogens*, а при получении сатисфакции потерпевшим государством правомерно выдвижение даже таких требований, которые наносят ущерб достоинству государства-правонарушителя (ст. 52). В дополнение в проекте содержатся обязательства для всех государств не признавать в качестве законной ситуацию, создавшуюся в результате международного преступления, не оказывать помощь или содействие государству, совершившему преступление, в сохранении этой ситуации, сотрудничать с другими государствами в выполнении этих обязательств и в осуществлении мер, направленных на ликвидацию последствий преступления.

В уже существующих и действующих международных конвенциях, посвященных борьбе с международными преступлениями, проблема ответственности государств не решена, что справедливо рассматривается как их существенный недостаток⁷.

Международные судебные и арбитражные органы практически никогда прямо не рассматривали вопрос о различии режимов ответственности за международно-противоправные деяния различной тяжести. Это легко объяснить. Компетенция международных судебных органов основана на согласии спорящих сторон, и государства всегда негативно относятся к возможности вынесения подобного вопроса

Фисенко Игорь Валентинович — кандидат юридических наук, начальник отдела договорно-правового управления Министерства иностранных дел Республики Беларусь

на суд третьей стороны, ими не контролируемой. Поэтому единственной мерой ответственности, которая рассматривалась в этой связи, была репарация. В качестве примера можно привести рассматривавшееся в Международном суде ООН дело о проливе Корфу, которое стало поистине хрестоматийным. В Меморандуме Великобритании действия Албании по расстановке мин в мирное время квалифицировались как преступление против человечества, однако единственной мерой ответственности, которую должна была понести Албания, по мнению заявителя, должна была стать репарация⁸.

Вполне естественно, что такая ситуация в международном праве вызывает серьезные разногласия и в доктрине по поводу ответственности государств за международные преступления.

В доктрине существует довольно влиятельное направление, признающее уголовный характер такой ответственности. основоположником его можно считать румынского юриста-международника В. Пелла, который в 1925 г. написал книгу “Коллективная ответственность государств и уголовное право будущего”. В этой работе он изложил концепцию уголовной ответственности государств, которой впоследствии постоянно придерживался.

С признанием этого института В. Пелла связывает эффективность международного права, возможность предупреждения международных преступлений: “Тот факт, что не одни лишь руководители, но и государство в целом может стать объектом применения уголовных мер, может способствовать развитию сопротивления преступникам, которые находятся во главе государства”⁹. Большое значение концепции уголовной ответственности государства для поддержания мира связывается с возможностью замены права победителя, права сильного на право справедливости. Настоящая победа, считает В. Пелла, состоит не в том, чтобы заставить другое государство признать себя побежденным (что впоследствии неминуемо приведет к появлению реваншизма), а в том, чтобы признать себя виновным, не в силу поражения, а в силу нарушения международного права, совершения преступления. Таким образом, существует возможность признания виновным и победителя.

Теория уголовной ответственности государств базируется на данных психологии коллективов и социологии тех лет с исходным принципом существования групповой воли, отличной от воли членов, составляющих группу.

В. Пелла исходит из особого характера правосубъектности государства. Если юридические лица могут считаться фиктивными образованиями, созданными и действующими по воле человека, то государства представляют нации, а существование нации не зависит от воли индивида. Государство претворяет в жизнь групповую волю нации, считает В. Пелла. И если такая воля является преступной, то ответственность ложится на государство и, соответственно, на нацию (парламентская процедура одобрения актов объявления войны не дает возможности свалить вину лишь на кучку политических деятелей).

Принципы уголовной политики предусматривают принятие мер против всех элементов, которые способствовали совершению преступления, поэто-

му неминуемо объектом таких мер должно стать государство.

По мнению В. Пелла, история показала, что войну нельзя уничтожить заключением договоров, действием Лиги Наций или ООН. Миссию поддержания мира нужно доверить международному уголовному праву. Как внутрисударственное уголовное право было одним из факторов, позволяющих обществу обуздать агрессивные черты индивида, так и международное уголовное право может стать средством подавления империализма и других проявлений эгоистических устремлений отдельных государств¹⁰.

Г. И. Тункин проанализировал вышеизложенную концепцию и считает, что основным недостатком концепции уголовной ответственности государств является идея единства путей международного и национального права, согласно которой “развитие права представляет из себя единый процесс, в котором национальное право и международное право находятся лишь на разных ступенях”¹¹. С этим, в принципе, можно согласиться, но в то же время следует отметить, что в сфере международного **уголовного** права потребность проведения параллели между системами гораздо больше, чем в других отраслях права, в силу особой значимости проблемы принуждения для международного уголовного права.

Можно добавить, что некоторые доводы, приводимые В. Пелла, являются далеко не безупречными с теоретической точки зрения. К примеру, внутренние факторы, влияющие на преступления, совершаемые государствами, выводятся исключительно из биологических особенностей того или иного народа (уголовной наследственности, атавизмов), что представляется весьма спорным. Вызывает сомнения и сама базовая идея существования единой групповой воли всей нации — парламента в качестве ее выразителя в случае объявления войны.

Исчезновение права сильного, эффективность уголовной защиты мира В. Пелла связывает в первую очередь с великими державами, так как в их руках в рамках международного сообщества находится важнейший элемент уголовного права — сила¹². Действительно, без участия великой державы в настоящее время реализация института, подобного уголовной ответственности государств, трудноосуществима. Однако сомнительна ценность системы, которая с самого начала создается на основе, практически исключающей достижение цели — вынесения справедливого решения в независимом судебном органе. Очевидно, что для механизма реализации уголовной ответственности государств нужны более солидные гарантии, чем сила великой державы, предоставление которой в распоряжение международного уголовного правосудия будет зависеть от совпадения решений последнего с интересами соответствующей великой державы. Желанием избежать таких ситуаций объясняется предложение В. Пелла о принятии основных документов международного уголовного права — Международного уголовного кодекса и Статута Международного уголовного суда — двумя третями участников Генеральной конференции ООН с последующей их обязательностью для всех членов ООН при отсутствии возможности их денонсировать¹³. Таким образом, влияние великих держав на начальном, конституирующем

этапе учреждения системы международного уголовного правосудия несколько сглаживается, в то время как на этапе функционирования на поверхность должна была выйти единственная реальная сила — сила великих держав. Тогда эта теория предлагает в очередной раз признать в качестве правовой сложившуюся на международной арене ситуацию фактического неравенства государств.

В Плате Международного уголовного кодекса, который использовался в работе Международной ассоциации уголовного права, Межпарламентского союза и Ассоциации международного права по этой теме, В. Пелла к уголовным санкциям против государств относит дипломатические санкции (предупреждение, разрыв дипломатических и консульских отношений и т. д.); юридические санкции (наложение секвестра на имущество граждан государства и др.); экономические санкции (блокада, эмбарго и т. д.); другие санкции (порицание, штраф, лишение права представительства в международной организации на определенное время, лишение мандата на управление подопечной территорией, полная или частичная оккупация территории государства, лишение независимости)¹⁴.

Естественно, что для В. Пелла свойственна тенденция к криминализации отдельных положений международных договоров, включая Устав ООН. В частности, он считал, что анализ статьи 51 Устава приводит к признанию принципа уголовной ответственности государств. “Законная самооборона является не чем иным, как инструментом уголовного права, освобождающим от всякого наказания субъекта права по причине признания за ним права самому отразить нападение”¹⁵.

Среди сторонников концепции уголовной ответственности государств необходимо в первую очередь назвать Г. Доннедьде де Вабра. В своей книге, посвященной принципам современного международного уголовного права, которая вышла в 1928 г., он стоит на прагматической позиции. Ученый считает, что для признания этой концепции достаточно поставить во главу угла цель, для которой уголовная ответственность государств и ее механизм учреждаются. А в качестве таковой он называет предупреждение войн и вообще нарушений международного права со стороны государств через угрозу применения к государству-агрессору (нарушителю) серьезных наказаний¹⁶. Условием реализации уголовной ответственности государств должно быть наличие реальной силы в распоряжении международной организации (тогда Лиги Наций)¹⁷.

В отношении возможности практической реализации этой концепции интересна позиция Г. Доннедьде де Вабра по вопросу об уголовной ответственности Германии после Второй мировой войны. Он считает, что основными причинами, помешавшими осуществлению такой ответственности, явились временное лишение Германии ее суверенитета при признании безоговорочной капитуляции и полная ее оккупация¹⁸. Таким образом, он признает в качестве причин, сыгравших негативную роль, осуществление мер, которые В. Пелла рассматривает в качестве уголовных санкций против государств. Это позволяет сделать вывод о большом значении, которое приверженцы уголовной ответственности государств придают процедуре применения этих мер и,

в частности, тому органу, который может принимать решение об их введении в действие.

По вопросу об уголовной ответственности Германии после Второй мировой войны существует и другое мнение. Оно построено либо на расширительном толковании некоторых положений, высказанных представителями обвинения в Нюрнберге¹⁹, либо на отождествлении подсудимых индивидов и организаций с германским государством на том основании, что они якобы воплощали в себе суверенитет²⁰. В качестве основного возражения на эти доводы обычно приводится тот факт, что германское государство прекратило свое существование в момент капитуляции, и поэтому оно не могло быть прямо осуждено в приговоре Международного военного трибунала²¹. Таким образом, как доводы “за”, так и доводы “против” построены на различном решении вопроса о правосубъектности германского государства, а не вопроса существа — реализации или отсутствия уголовной ответственности государств.

Х. Лаутерпахт противопоставляет концепцию уголовной ответственности государств ограничению международной ответственности государств лишь цивилистической, материальной ответственностью. По его мнению, подобное ограничение позволит индивидам под прикрытием государства получить в отношении совершенных ими преступлений определенный иммунитет, которым они не обладают, действуя по отдельности. Причем этот иммунитет распространяется на деяния, которые, “будучи коллективными и пользуясь поддержкой почти безграничной мощи современного государства, обладают практически неограниченной разрушительной силой”²². При этом Х. Лаутерпахт выступает против проведения искусственного, как он считает, различия между объединениями лиц и составляющими эти объединения лицами. По его мнению, опасность, которую представляют собой коллективные обвинения, гораздо меньше, чем опасность, вытекающая из коллективной безответственности. Провозглашая таким образом принцип коллективной ответственности, чуждый уголовному праву, он пытается сразу же максимально сузить рамки применимых в этом случае санкций с целью, “насколько это возможно, избежать несения физических страданий невинными наравне с виновными”²³. Это предполагает максимальное ограничение применения мер физического воздействия, которые могут носить неизбирательный характер.

Современные последователи концепции уголовной ответственности государств стоят на относительно более гибких позициях. К примеру, иранский исследователь М. Фархад, защитивший в 1985 г. в Стокгольме докторскую диссертацию по вопросу уголовной ответственности государств, признает за государством возможность предстать перед судом за совершение международного преступления. При этом в качестве особенностей государства как субъекта международного уголовного процесса он называет долгое существование (намного превышающее, как правило, человеческую жизнь), более явный характер нарушения норм международного права и, следовательно, большую возможность доказательства совершения международного преступления со стороны государства, более высокий уровень гарантий возмещения причиненного ущерба по

сравнению с индивидом, а также невозможность для государства укрыться от преследования в силу обязанности к определенной территории.

В рамках уголовной ответственности государств М. Фархад предусматривает применение санкций, в основном имущественных, к самому государству и “персональных” санкций к официальным представителям преступного государства, общественным образованиям, вооруженным силам. Автор сформулировал семь статей по уголовной ответственности государств, в которых отражаются его взгляды на происхождение, формы и объем ответственности за международные преступления. Седьмая статья посвящена принципиальному механизму реализации ответственности, который построен на обязанности всех государств участвовать в подавлении международных преступлений по требованию ООН. Невыполнение этой обязанности является правонарушением²⁴.

В качестве одного из возражений против концепции уголовной ответственности государств приводится тезис, что в случае ее признания “вся тяжесть правовых последствий ложится не на виновных, а на все население, за действия преступной клики должен отвечать народ”²⁵.

В связи с этим тезисом встает вопрос о международной уголовной правосубъектности народа, который в свою очередь связан с более общим вопросом международной правосубъектности народа вообще. Только при признании за народом статуса субъекта международного права возможна постановка более специального вопроса²⁶. В принципе, это возможно в русле общего отхода от чисто статического характера международного права, признания высокой роли народа как на стадии нормообразования, так и на стадии нормоприменения в международном праве: “В первом случае организованная общественность нередко формулирует “предстандарты” правил поведения, “предправовые правила”, которые затем государствами превращаются в правовые нормы (например, в области разоружения, экологии, прав народов и прав человека). Во втором случае общественность контролирует соблюдение международных норм на международной арене и во внутренней сфере государства”²⁷.

Крайней является позиция Маннхайма, согласно которой наказанию должен подвергнуться весь народ, населяющий государство, а также следующее поколение²⁸. Несколько умеренней выглядят взгляды американских юристов, изучавших вопрос об ответственности германского народа после Второй мировой войны. Они считают возможным установление вины народа в результате исторического исследования²⁹. По их мнению, исходя из развития немецкой политической и философской мысли, такая вина действительно лежит на немецком народе, у которого жестокость и предательство стали чертой национального характера; немецкий народ заслуживает наказания³⁰.

Несмотря на претенциозность, такая позиция имеет определенные объективные основания. В частности, при обсуждении в Комиссии международного права в связи с проектом Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества вопроса о соучастии члены пришли к общему мнению, что нельзя привлекать к ответственности целый на-

род как народ. Однако это вытекает больше из практической невозможности привлечь к суду целый народ, так как в этом случае концепция соучастия охватывает слишком широкий круг лиц, чем из теоретической невозможности признать всех виновными.

Такие преступления, как агрессия, апартеид, геноцид, имеют особый характер. Например, в совершении апартеида в ЮАР участвовало и правительство, и целый народ, поскольку все жители ЮАР знали, как функционирует система апартеида, и каждый, голосовавший за политическую партию, выступавшую за апартеид, оказывал поддержку этой системе. Отмечалось, что в результате действия норм, касающихся агрессии, может получиться так, что каждый отдельный солдат, выполнивший приказ начальства о ведении наступательных действий, будет нести ответственность. Выходом из этого положения является проведение ограничительного подхода при применении подобных положений с учетом критериев международных преступлений и участия каждого. Хотя в то же время действия каждого должны рассматриваться как составная часть взаимосвязанных действий всех участников преступлений. Что касается коллективной ответственности, то Ю. Г. Барсегов, в то время член Комиссии, отметил, что коллективная ответственность за международные преступления существует и проявляется в международной ответственности государства³¹.

В качестве доказательства необходимости распространения уголовной ответственности на весь народ приводятся тезисы, что народ должен был и мог предупредить совершение преступления, а также, что такой подход к ответственности народа будет служить сдерживающим фактором для инициаторов преступления и побудительным фактором для народа принять меры для предупреждения преступления.

Подобная концепция имеет скорее моральную, чем юридическую, ценность и преследует цель осудить со стороны международного сообщества преступное поведение. Фактом является отсутствие специальных мер и механизма по их осуществлению в отношении народа, отличающихся от ответственности индивидов, их объединений, государств за совершение международных преступлений³². Народ действительно претерпевает определенные и весьма значительные лишения, но “с юридической точки зрения обязательства, вытекающие из ответственности, налагаются только на государство”³³.

Суммируя все вышесказанное, необходимо отметить, что идея уголовной ответственности государств как целостная концепция присутствует только у одного автора — В. Пелла, тогда как остальные исходят из практической ценности этой идеи — не оставить безнаказанным государство, обычно основной субъект международных преступлений. Не принимая во внимание нюансы, присущие позициям отдельных авторов, в качестве главной цели этой концепции можно считать обоснование специального режима ответственности государств за международные преступления, стремление выделить ее из общей теории ответственности государств за действия, нарушающие международное право. При этом используются различные элементы института ответственности для выделения ответственности именно за преступления: подчеркивание сугубо принудительного характера такой ответственности,

практически исключая возможность согласия преступного государства на ее реализацию; акцент на процедуре принятия решения в отношении такого государства и на органе, уполномоченном принимать такие решения, а именно судебном органе; на важности принятия международного уголовного кодекса, который, в соответствии с традиционной доктриной уголовного права, является единственным источником для определения уголовной ответственности. Однако не во всех случаях позиция по указанным положениям последовательна. Это проявляется в тенденции к криминализации положений некоторых международных договоров. Непродуктивным является отставание в отношении некоторых мер характеристики как исключительно уголовных санкций в силу своей природы, тогда как объективно они именно по своей природе являются дипломатическими, имущественными, а также в силу отсутствия строгой определенности и применения политическим органом — политическими.

В то же время нужно признать специфический характер мер, применяемых к государству в случае совершения им международного преступления. Для обозначения этих мер довольно долгое время применялся термин “санкции”. Однако в международном праве этот термин имеет несколько значений. Возникла ожесточенная дискуссия о соотношении санкций и ответственности. Многие исследователи считают, что санкции являются одной из форм ответственности³⁴. Другие рассматривают их как меры принуждения, обеспечивающие реализацию ответственности, т. е. находящиеся за пределами собственно ответственности³⁵. Наконец, их признают порядковыми явлениями, понимая “международную ответственность как применение и реализацию санкции в случае международного преступления”³⁶. Комиссия международного права решила сохранить термин “санкция” лишь для коллективных мер международных организаций, а для обозначения мер, которые потерпевшее государство может принять против правонарушителя, принять понятие “контрмера”³⁷.

Не меньше разногласий существует и по вопросу о направленности этих мер. В силу природы международных преступлений их основным предназначением является не только возмещение нанесенного ущерба в наиболее полном объеме, но и создание условий посредством специальных действий для недопущения совершения международных преступлений в будущем, т. е. превенция. Такая двойственность характера последствий совершения международных преступлений находит все большее признание. Разнообразие мнений существует на стадии оценки их преимущественного характера: “Юристы, по мнению которых международно-противоправные деяния представляют собой прежде всего “гражданские” правонарушения, склонны рассматривать функцию контрмер как чисто реституционную, в то время как другие, которые считают, что противоправные деяния носят в основном “уголовный” характер, склонны приписывать контрмерам функцию ретрибуции”³⁸.

При этом необходимо принимать во внимание, какие меры рассматриваются как превентивные. Либо только карательные меры, но, по весьма распространенному мнению, “из того факта, что санкция международного права присущ элемент наказания, нельзя делать вывод об уголовном характере международно-правовой ответственности государства”³⁹. Либо любые меры, “которые, не будучи направленными против тех или иных субъектов, призваны воспрепятствовать возникновению межгосударственного конфликта или предотвратить дальнейшее усугубление уже возникшего конфликта”⁴⁰, но тогда тем более не встает вопрос об их признании уголовными. Ни содержание мер, ни их интенсивность (весьма высокая в случае международных преступлений), ни коллективный характер их осуществления, в том числе через международные организации, не служат критериями для их криминализации.

Интересно отметить, что концепция уголовной ответственности государств в международном праве развивалась в основном криминалистами, которые были более склонны переносить категории внутригосударственного права в международное, чем специалисты по международному праву, среди которых эта концепция находит сравнительно мало сторонников⁴¹.

Таким образом, концепция уголовной ответственности государств существует лишь в доктринальных разработках. В действительности не созданы два основных компонента для отправления уголовного правосудия в отношении государств — Международный уголовный суд и Международный уголовный кодекс. По этим причинам практическое осуществление сегодня уголовной ответственности государств невозможно. Проведение аналогий и толкование некоторых функций Совета Безопасности как функций уголовного суда, а главы VII Устава ООН как уголовного кодекса не является продуктивным. Во-первых, этот орган межгосударственной организации и эта глава межгосударственного договора может толковаться исключительно в соответствии с правообразующей волей государств-участников. Фактом является отсутствие согласия с таким толкованием. Во-вторых, такая оценка существующей реальности не приносит ничего нового, в то время как основной практической ценностью этой концепции должно быть создание новых гарантий для поддержания мира дополнительно к уже существующим.

Фактически реализуется политическая (не в смысле оснований, а в смысле процедуры принятия решений) ответственность государств за международные преступления. Само “появление политической ответственности было вызвано в международном праве новой категорией правонарушений — международными преступлениями”⁴². Эта ответственность выходит за рамки традиционной обязанности возместить ущерб и предусматривает меры превентивного характера и меры наказания. Указанные меры носят репрессивный характер и в связи с этим имеют некоторые черты уголовных. Но уголовными они не являются по указанным выше причинам.

¹ См.: Bassiouni M.Ch. A Draft International Criminal Code and Draft Statute for an International Criminal Court. Dordrecht, 1987. P. 48.

² Док. ООН A/2136. С.11.

³ Ежегодник Комиссии международного права. 1983. Т. II (часть вторая). С.17.

⁴ Ежегодник Комиссии международного права. 1984. Т. II (часть вторая). С.19.

- ⁵ Док. ООН A/51/332. С. 4.
- ⁶ См. текст и комментарии к статьям 51—53 в док. ООН A/51/10. С. 165—170.
- ⁷ См.: Ляхов Е. Г. Терроризм и межгосударственные отношения. М.: Международные отношения, 1991. С. 63, 71, 82, 91.
- ⁸ См. об этом: II. 9 комментария к статье 19 проекта статей об ответственности государств // Yearbook of the International Law Commission. 1976. Vol. II (Part Two). P. 95—122.
- ⁹ Pella V. Le Code des Crimes contre la paix et la securite de l'humanite. Geneve, 1957. P. 83.
- ¹⁰ См.: Sottile A. Les criminels de guerre et le Nouveau Droit Penal International, moyen efficace pour assurer la Paix du Monde. Geneve, 1946. P.5—15.
- ¹¹ Тункин Г. И. Теория международного права. М., 1970. С. 451.
- ¹² См.: Pella V. La guerre-crime... Paris, Geneve, 1946. P. 128.
- ¹³ Ibid. P. 126—127.
- ¹⁴ Ibid. P. 153—154.
- ¹⁵ Pella V. Le Code des Crimes contre la paix et la securite de l'humanite. P. 87.
- ¹⁶ См.: Donnedieu de Vabres H. Les principes modernes du droit penal international. Paris, 1928. P. 428.
- ¹⁷ См.: Donnedieu de Vabres H. La Cour Permanente de justice internationale et sa vocation en matiere criminelle // Revue internationale de droit penal. 1924. N 3-4. P.199.
- ¹⁸ См.: Donnedieu de Vabres H. Le jugement de Nuremberg // Revue de Droit penal et criminalogie. 1947. N 10. P. 822.
- ¹⁹ См.: Herzog J.-B. De la creation d'une juridiction penale internationale permanente // Revue internationale de droit penal. 1950. N 3. P. 423.
- ²⁰ См.: Aroneanu E. Vers une juridiction penale internationale // Politique etrangere. 1955. N 4. P. 468.
- ²¹ См.: Merle M. Le proces de Nuremberg et le chatiment des criminels de guerre. Paris, 1949. P. 95—96.
- ²² См.: Lauterpacht H. Regles generales du droit de la paix // Academie de Droit International. Recueil des Cours. 1937. IV. T. 62. Paris, 1938. P. 350.
- ²³ Ibid. P. 351.
- ²⁴ См.: Farhad M. International Criminal Responsibility of States. Stockholm, 1985; Farhad M. International Criminal Law. Uppsala, 1991. P. 36—40.
- ²⁵ Иванова И. М. Международная уголовная юстиция и преступления против человечества. Дис... канд. юр. наук. М., 1959. С. 258.
- ²⁶ Некоторые авторы признают существование целого комплекса прав народов. См., напр.: Тузмухамедов Р.А. Права народов // Международное право в современном мире. С. 84—88.
- ²⁷ Верещетин В. С. "Общее правовое поле" современного мира // Советский журнал международного права. 1991. № 3-4. С.8—9.
- ²⁸ См.: Farhad M. International Criminal Responsibility of States. P. 177.
- ²⁹ См.: Glueck G. War criminals: their Prosecution and Punishment. N.Y., 1944. P. 72.
- ³⁰ См.: Creel G. War criminals and Punishment. N.Y., 1944. P. 178—263.
- ³¹ См.: UN Doc. A/CN.4/SR.2150. P.11; A/CN.4/SR.2150. P. 8.
- ³² См.: Bassiouni M.Ch. Op. cit. P.50.
- ³³ Курис П. М. Международные правонарушения и ответственность государства. Вильнюс: Изд-во Вильнюс. гос. ун-та, 1973. С. 85.
- ³⁴ См., напр.: Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М.: Международные отношения. 1983. С. 89, 154; Колосов Ю. М. Ответственность государств. М., 1975. С. 32.
- ³⁵ См.: Василенко В.А. Ответственность государства за международные правонарушения. Киев, 1976. С.57, 220.
- ³⁶ Ушаков Н. А. Основания международной ответственности государств. М., 1983. С. 19.
- ³⁷ См.: Док. ООН A/46/10. С. 334 и сл.
- ³⁸ Там же. С. 335.
- ³⁹ Курис П. М. Указ. соч. С. 80.
- ⁴⁰ Василенко В. А. Международно-правовые санкции. Киев, 1982. С. 34.
- ⁴¹ Трайнин А. Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества // Защита мира и уголовный закон. М., 1969. С. 298.
- ⁴² Мазов В. А. Ответственность в международном праве. М.,1979. С. 99.

SUMMARY

The article analyses the issue of the character of international criminal responsibility of states and different approaches to its content.

The idea of special regime of international responsibility of state for committing international crimes is considered now to be widely recognized. It was discussed during the preparation of the documents drafts in the International Law Commission. It has been noted that in the existing and operating international conventions devoted to combating international crimes the problem of responsibility has not been solved and this is considered to be their essential drawback. International legal and arbitration bodies have never, in fact, discussed the issue about differences in the regimes of responsibility for international illegal activities of various gravity.

Such a situation in the international law makes for a serious controversy in the doctrine on international criminal responsibility of states. One influential trend in the doctrine recognizes the criminal character of this kind of responsibility. It is represented by V. Pella, de Vabres, Donnedieu, H. Lauterpacht and their present-day followers (e. g. M. Farhad).

The concept of international criminal responsibility of states as a holistic concept is represented only by one author - V. Pella, while the others proceed from the practical value of this concept which lies in the idea of not leaving unpunished the state - the main subject of international crimes. The main aim of this concept is considered to be the substantiation of a special regime of responsibility of states for international crimes and the wish to single it out from the general theory of responsibility of states for the actions which violate international law.

In reality two main components for the execution of criminal justice as regards the states have not been created. They are the International Criminal Court and international criminal code. Due to these reasons the practical enforcement of criminal responsibility of states today is not possible. The states bear political responsibility for the international crimes which lies beyond the framework of obligations to compensate the damage and stipulates preventive and punishment measures.